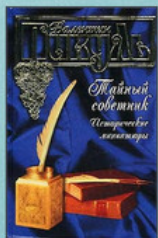

Валентин Пикуль

Король русской рифмы

*Часть сборника
Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль
Король русской рифмы
Серия «Тайный советник», книга 13

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138645

*Пикуль В. Тайный советник. Исторические миниатюры: АСТ, Вече;
2001*

Аннотация

«...Мы тронулись по Невскому, и Всеволод Александрович взмахнул тростью, указывая вдаль, где едва виднелся шпич Адмиралтейской иглы.

– Валя, – спросил он меня, – известно ли вам, что вот от этого места и до самого Адмиралтейства поэт Дмитрий Дмитриевич Минаев на пари соглашался идти, разговаривая о чем угодно только стихами?

Я, кажется, впервые в жизни услышал имя Минаева.

– Стыдно, Валя, не знать короля русской рифмы...»

Валентин Пикуль

Король русской рифмы

В юности я уделял большое внимание словосочетаниям. А соотношение звуков, особенно рифмование их, вызывало обостренный интерес. Меня приводила в восторг словесная музыка: «на камне – века мне», «зеркало – исковеркала». Я ходил тогда в широченных клешах матроса, в белых парусиновых баретках, которые хитроумно чернил ваксой. Раз в неделю я бывал в объединении молодых литераторов, которым руководил старейший ленинградский поэт Всеволод Рождественский (ныне покойный), человек большой культуры и добряк по натуре. Однажды он потряс мой слух, упомянув несколько строчек:

Область рифм – моя стихия,
И легко пишу стихи я.
Даже к финским скалам бурым
Обращаюсь с каламбуром.

Тогда я жил под большим впечатлением Блока и Маяковского, Георгия Иванова и Николая Агнивцева. Но эти «каламбуры» заставили меня вздрогнуть от неожиданности... Помню, был осенний вечер в городе, шел дождь, мне было скучно, мои баретки промокли, а на площади перед Московским вокзалом я случайно повстречал своего учителя – Рож-

дественского.

– Проводите меня, Валя, – сказал он мне.

Мы тронулись по Невскому, и Всеволод Александрович взмахнул тростью, указывая вдаль, где едва виднелся шпиг Адмиралтейской иглы.

– Валя, – спросил он меня, – известно ли вам, что вот от этого места и до самого Адмиралтейства поэт Дмитрий Дмитриевич Минаев на пари соглашался идти, разговаривая о чем угодно только стихами?

Я, кажется, впервые в жизни услышал имя Минаева.

– Стыдно, Валя, не знать короля русской рифмы...

Конечно, стыдно! Но я тогда не знал многого. Минаев меня увлек, и я по сей день не перестаю удивляться бесподобной виртуозности его замечательных версификаций:

Семьей забыта и заброшена,
За ленту скромную, за брошь она...
Ты грустно восклицаешь: «Та ли я?!
В сто сантиметров моя талия».
Действительно, такому стану
Похвал я воздавать не стану...

Стихотворчество, живое и образное, всегда было авторитетно в нашей стране, благо сам обильный, красочный русский язык давал немало возможностей для поэтической выразительности. Чудаков и графоманов в этом деле тоже было, конечно, немало! Мне сейчас вдруг вспомнилось, что до

революции на Путиловском заводе служил тишайший конторщик, который не умел говорить прозой. Он даже бухгалтерские накладные составлял в виршах. И вот как это у него получалось:

Стержень стальной для руля кормового 2 шт.

Румпель железный в корму 1 шт.

Болт не стальной, а железа простого 30 шт.

Гайка и шайбы к нему 25 шт.

Давным-давно на пароходе, плывущем в лунную ночь по Волге, один начитанный провинциал познакомился с молодым пассажиром, в разговоре с которым нечаянно выяснилось, что он в Петербурге – литератором:

– Так, пописываю кое-где. Нужда, знаете, заставляет.

Провинциал оказался большим почитателем поэзии:

– Сейчас если кто и есть из поэтов, так Некрасов, Курочкин да Минаев, остальные же, от греха подальше, под псевдонимами прячутся. Правда, неплохо «Темный Человек» пишет.

– «Темный Человек» – это я, – представился попутчик.

– Да? Крайне рад. А есть еще «Майор Бурбонов».

– Это тоже я!

– Хм... А еще вот остро сочиняет «Общий друг».

– Как не знать! Это опять-таки я пишу...

«Образованный» провинциал возмутился:

– Я вам так скажу, господин хороший: врать, конечно,

всем можно. Но нельзя же быть таким наглым Хлестаковым...

Дмитрий Минаев плыл на родину – в тишайший Симбирск, и он никого не обманывал: все эти псевдонимы принадлежали ему. Утром пароход причалил к родному городу. Прямо к набережной спускались ароматные кущи славных симбирских садов – с цветами, пчелами, фруктами. А вот и классическая гимназия, в которой поэт безуспешно боролся с латынью.

Минаев начинал жизнь мелким чиновником, сначала в Симбирске, затем в Петербурге, где и получил чин за... хороший почерк: при отсутствии пишущих машинок каллиграфия в те времена оценивалась высоко. Юношу тянуло к поэзии, он присматривался к тому, что пишут другие поэты.

– Всюду глагольные рифмы! – возмущался он. – Бить – пить, стоять – лежать, петь – хотеть, сказала – отвечала... Эдак без особого труда можно вытягивать поэму длиной в версту.

Своему влюбленному приятелю Минаев советовал:

Не ходи, как все разини,
Без подарка ты к Розине,
Но, ей делая визиты,
Каждый раз букет вези ты.

А своей милой прелестнице он шептал на ушко:

Я, встречаясь с Изабеллою,
Нежным взглядом дорожу,
Как наградой и, за белую
Ручку взяв ее, дрожу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.